ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

© 2026. Оносов Ю. В.

Check for updates

оригинальная статья

eLibrary EDN: UXSIXQ

Пределы правоинтерпретационного усмотрения: конкретизация или скрытое правотворчество?

Оносов Юрий Викторович
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург
eLibrary Author SPIN: 2522-2464
https://orcid.org/0000-0003-0245-9600
onosov_nn@mail.ru

Аннотация: Официальное толкование производно от нормативного содержания правового предписания, однако его результат способен приобретать нормативные свойства и определять разрешение неопределенного числа дел. Отсюда возникает проблема разграничения конкретизации и фактического установления нового общего правила. Цель – установить содержательные, компетенционные и процедурные пределы интерпретационного выбора, позволяющие разграничить допустимую конкретизацию и скрытое правотворчество. Использованы формально-юридический и системно-структурный методы, доктринальное сопоставление и анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. Установлено, что нормативная выводимость характеризует связь интерпретационного результата с действующим правом, тогда как компетенция и процедура определяют институциональную допустимость его формирования и юридическую силу. Нормативные свойства возникают вследствие повторяемого и фактически обязательного применения и сами по себе не свидетельствуют о правотворчестве. Скрытое правотворчество рассматривается как дефект правоинтерпретационного усмотрения, при котором положение выходит за юридически допустимые варианты понимания, утрачивает производность от толкуемого предписания и закрепляется в практике как общее основание правовых последствий. Разграничение проверено на официальных разъяснениях Министерства транспорта Российской Федерации, письме Федеральной антимонопольной службы и актах высших судов. Оно позволяет отделить допустимое повышение определенности от изменения регулирования, требующего правотворческой компетенции.

Ключевые слова: правоинтерпретационное усмотрение, интерпретационный выбор, юридически допустимый вариант понимания, нормативное содержание правового предписания, интерпретационное положение, конкретизация права, скрытое правотворчество, нормативная выводимость

Цитирование: Оносов Ю. В. Пределы правоинтерпретационного усмотрения: конкретизация или скрытое правотворчество? *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2026. Т. 10. № 4. С. 779–787. https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-4-779-787

Поступила в редакцию 29.07.2026. Принята после рецензирования 24.08.2026. Принята в печать 31.08.2026.

original article

Limits of Legal Interpretive Discretion: Specification or De Facto Lawmaking?

Yuriy V. Onosov
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, Ekaterinburg
eLibrary Author SPIN: 2522-2464
https://orcid.org/0000-0003-0245-9600
onosov_nn@mail.ru

Abstract: Authentic interpretation derives from a legal provision, yet its result may acquire normative properties and guide an indefinite number of cases. In this respect, permissible specification should be separated from the de facto establishment of a new general rule. The study determines the substantive, competence-related, and procedural limits of interpretive choice. It combines formal legal and system-structural methods, doctrinal comparison, and analysis of decisions by the Constitutional Court, the Supreme Court, and federal executive authorities of the Russian Federation. Normative derivability links an interpretive result to an existing law, whereas

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License
Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

competence and procedure determine its institutional permissibility and legal force. Normative properties arise through repeated and practically binding application and do not necessarily prove de facto lawmaking. Covert lawmaking is a defect of interpretive discretion in which a proposition exceeds legally permissible understandings, loses its derivation from the interpreted provision, and becomes established in practice as a general basis for legal consequences. The distinction is tested against explanations by the Ministry of Transport, a letter of the Federal Antimonopoly Service, and decisions of Russia's highest courts. It separates lawful specification from de facto lawmaking that requires lawmaking authority.

Keywords: legal interpretive discretion, interpretive choice, legally permissible interpretation, normative content of a legal provision, interpretive proposition, specification of law, de facto lawmaking, normative derivability

Citation: Onosov Yu. V. Limits of Legal Interpretive Discretion: Specification or De Facto Lawmaking? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(4): 779–787. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-4-779-787

Received 29 Jul 2026. Accepted after review 24 Aug 2026. Accepted for publication 31 Aug 2026.

Введение

Официальное толкование связано нормативным содержанием действующего правового предписания, но сформулированный результат может воспроизводиться при разрешении неопределенного числа однородных дел и приобретать нормативные свойства. Возникающее расхождение между производной природой и общим действием интерпретационного положения нельзя разрешить по наименованию акта или статусу субъекта. Такой подход позволяет принять за толкование положение, которое добавляет к закону новое условие, исключение либо основание ответственности, либо, напротив, признать правотворчеством всякое общее разъяснение. Поэтому результат необходимо сопоставлять с составом регулирования, закрепленным толкуемым предписанием.

В отечественной теории производность интерпретационного результата раскрывается через отсутствие нормативной новизны и логико-семантической связи между исходной и производной формулировками правового предписания. Официальное разъяснение при этом может исходить лишь от субъекта, наделенного соответствующим полномочием [1, с. 223–224]. Однако названных признаков недостаточно, если положения ненормативного по форме документа неоднократно используются как общеобязательные предписания в отношении неопределенного круга лиц. В таком случае проверке подлежат нормативные свойства акта и соответствие его содержания действительному смыслу разъясняемых положений[1].

Юридическая сила судебных и ведомственных разъяснений неодинакова. Однако многократное применение не доказывает создания нового правила, если положение выводимо из закона; единичное разъяснение, напротив, способно изменить правовое положение адресата. Квалификация требует совместной оценки содержания результата и компетенции интерпретатора.

Цель исследования – установить содержательные, компетенционные и процедурные пределы интерпретационного выбора, позволяющие разграничить допустимую конкретизацию и скрытое правотворчество. Для этого исследуются условия возникновения усмотрения, допустимое приращение содержания, нормативные свойства результата, а также значение компетенции, процедуры и мотивировки.

Теоретические основы

Спор о соотношении толкования и конкретизации касается допустимого приращения содержания. С. С. Алексеев относил распространительное и ограничительное толкование к начальной ступени конкретизации [2, с. 307–308], а результат нормативного толкования характеризовал как конкретизирующее предписание [Там же, с. 309–310]. Н. А. Власенко и М. В. Залоило предлагают оценивать творческое содержание судебной практики по характеру нормативной новизны [3]. Первый подход объясняет повышение определенности, второй обозначает риск изменения регулирования. Вместе с тем сама новизна не устанавливает границу толкования: необходимо различать выводимое уточнение и преобразование юридически значимых условий.

Критерии общей направленности, неоднократности и фактической обязательности показывают способ действия интерпретационного акта [1, с. 238–239], а его функция состоит в задании

[1] См.: части 2–4 ст. 217.1 Кодекса административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ. *СЗ РФ*. 2015. № 10. Ст. 1391; подпункты 1–3 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». *СПС КонсультантПлюс*.

правила понимания исходного предписания [4]. Эти свойства не раскрывают происхождение содержания. Повторяемой может быть правомерная судебная позиция, тогда как новое основание обязанности способно впервые возникнуть в единичном деле.

Ведомственные разъяснения способны ориентировать поведение, не приобретая формы нормативного правового акта [5]. Поэтому судебный контроль связывается не с наименованием документа, а с его нормативными свойствами и соответствием действительному смыслу закона [6; 7]. Их особое место в регулировании отмечают Э. С. Юсубов и Ю. В. Филимонов [8]. Однако из общего действия документа еще не следует правотворческая природа сформулированного положения.

Официальное толкование может направлять последующую правоприменительную и правотворческую деятельность [9]. Такое влияние не означает тождества соответствующих видов юридической практики: пока результат производен от действующего предписания, интерпретатор не становится правотворцем.

Предел интерпретационной альтернативы определяется неодинаково: через открытую структуру правила [10], институциональную историю и принципы права [11] либо сочетание семантических возможностей текста и юридической цели [12]. Общим остается требование отличать мыслимое прочтение от юридически допустимого.

Требование связности юридической аргументации раскрыто в концепции Н. Маккормика [13]. Различение установления смысла текста и конструирования его правового эффекта позволяет отделить интерпретацию от формирования нового регулятивного решения [14; 15]. Внутренняя непротиворечивость вывода не заменяет внешнего обоснования исходных посылок [16]. В отечественной теории компетенция интерпретатора и его связанность толкуемым предписанием рассматриваются как условия официального разъяснения [17–19], но не устраняют необходимости сопоставить результат с исходным регулированием.

Результаты

Правоинтерпретационное усмотрение и проблема разграничения его результатов

Не всякое толкование предполагает усмотрение. Если языковые, системные и целевые аргументы оставляют единственный допустимый смысл, интерпретационного выбора нет. Правоинтерпретационное усмотрение возникает при сохранении нескольких обоснованных вариантов и охватывает только ту часть установления нормативного содержания, в которой компетентный субъект совершает юридически значимый выбор.

Ранее усмотрение исследовалось нами применительно к правотворчеству, правоприменению и толкованию [20; 21]. Различается предмет выбора: содержание будущего правила, решение конкретного дела либо понимание действующего предписания. Поэтому интерпретатор связан нормативным материалом, смысл которого устанавливает.

Языковая возможность значения не означает его юридической допустимости. Вариант должен согласовываться с текстом, системой, целью и принципами права. Последние позволяют выбрать выводимое значение, но не заменяют отсутствующее основание обязанности или ответственности.

Правоинтерпретационное усмотрение представляет юридически обусловленный выбор компетентным субъектом одного из нескольких допустимых вариантов понимания правового предписания, обоснованный признанными способами толкования и выраженный в интерпретационном положении. Свобода выбора производна: она возникает не при отсутствии правовых оснований, а когда они допускают несколько решений.

Интерпретационное положение – объективированный результат официального толкования, закрепляющий избранное понимание предписания. Оно не устанавливается в правотворческой процедуре, но может воспроизводиться в однородных делах. Общая направленность и повторяемость характеризуют действие положения, не изменяя его производной природы.

Конкретизация обусловлена общим характером правового предписания: она раскрывает оценочные признаки, согласует действие норм и уточняет условия их применения. Допустимое приращение определенности сохраняет установленный источником круг субъектов, юридических фактов и последствий. Их изменение означает преобразование, а не уточнение нормативного содержания.

Допустимая конкретизация – уточнение нормативного содержания применительно к определенному виду юридических ситуаций, сохраняющее производность результата и установленную источником совокупность юридически значимых условий. Она раскрывает признак, способ его установления либо связь норм, но не создает нового адресата, факта, запрета, обязанности, исключения, льготы или основания ответственности.

Производность проверяется через нормативную выводимость. Разрешение семантической неопределенности должно оставаться проверяемой аргументативной деятельностью [22], а расширение системного контекста связывает интерпретатора требованием согласованности [23]. Поэтому выводимость означает воспроизводимый переход к результату посредством

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

текста, системных связей, юридической цели и принципов права, а не буквальное совпадение с формулировкой закона.

Прямое ограничение или закрытый перечень нельзя преодолеть ссылкой на практическое удобство. Перенос условия из другого института либо создание отсутствующего юридического факта изменяют состав регулирования. Цель выбирает между выводимыми вариантами, но не служит источником новой обязанности; обращение к принципу требует показать затронутое право, неприемлемость альтернативы и основание коррекции.

Квалификация начинается с установления толкуемого предписания, причины неопределенности и допустимых вариантов понимания. Предварительная проверка компетенции может выявить незаконность акта, но не устанавливает правотворческого приращения.

Затем оцениваются компетенция и процедура, адресаты, повторяемость применения и последствия отступления от позиции. Эти признаки характеризуют институциональную допустимость и действие результата, не заменяя проверки его производности: общее разъяснение может точно выражать закон, а индивидуальное письмо – изменять положение адресата.

Юридическая мотивировка делает такую проверку возможной: в ней раскрываются неопределенность, конкурирующие варианты и основания предпочтения. Общей ссылки на системный смысл недостаточно без указания норм и связей, из которых следует вывод. Правовая определенность допускает развитие практики, но требует предсказуемости оснований и последствий [24]. При изменении официальной позиции должны быть обозначены причины отступления и действие нового понимания во времени [25, с. 161–164].

Критерии относятся к разным уровням квалификации. Недостаточная мотивировка при сохранении установленного состава условий указывает на дефект обоснования. Слабая выводимость и существенное преобразование регулирования образуют опровержимую презумпцию скрытого правотворчества; воспроизводимость показывает закрепление результата в практике. Компетенция и процедура определяют институциональную допустимость и силу решения, но не делают производным положение, содержательно не выводимое из действующего права.

Решающими являются пределы выбора. Пока интерпретационное положение относится к юридически допустимым вариантам и производно от нормативного содержания, его общее действие совместимо с толкованием. Дефект возникает при формулировании самостоятельного условия правовых последствий, не выводимого из действующего регулирования; повторяемость лишь закрепляет это изменение.

Скрытое правотворчество определяется как дефект официального правоинтерпретационного усмотрения, при котором субъект выходит за пределы допустимых вариантов понимания, а интерпретационное положение утрачивает содержательную производность и используется как общее основание юридических последствий. Отсутствие надлежащей правотворческой компетенции и процедуры придает дефекту институциональную завершенность. Категория характеризует не намерение субъекта, а несоответствие исходного предписания, способа образования результата и его регулятивной функции.

Утрата производности устанавливается сопоставлением предписания с результатом. Нормативные свойства отражают закрепление положения в последующих решениях и его значение для адресатов. Обязательное, но выводимое разъяснение остается толкованием. Специальная конституционная компетенция может обосновать временную коррекцию, но не превращает содержательно новое положение в производный результат.

Внутренний механизм скрытого правотворчества состоит в утрате содержательной производности интерпретационного положения от толкуемого предписания и последующем закреплении этого положения в практике в качестве общего основания правовых последствий. Состав юридически значимых условий изменяется за счет не выводимого из действующего права элемента – дополнительного условия, исключения либо основания наступления, предусмотренного законом последствия. Так, разъяснение Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) возлагало на заказчика обязанность включать в проект контракта вариативное условие о цене, «включая НДС / НДС не облагается»[2]. Ограничительное понимание ч. 1.3-3 ст. 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) исключало льготную уплату штрафа при выявлении правонарушения органами прокуратуры[3].

[2] О признании недействующим со дня принятия письма ФАС России от 18.06.2019 № ИА/50880/19 «О разъяснении положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" в части заключения государственного контракта с победителем закупки, применяющим упрощенную систему налогообложения». Решение Верховного Суда РФ от 09.12.2019 № АКПИ19-798. *СПС КонсультантПлюс*.

[3] Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2026). *СЗ РФ*. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

 https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-4-779-787

При применении ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ[4] трехлетний срок из ст. 284 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)[5] использовался как дополнительное временное условие возникновения административной ответственности. Квалификации являются авторскими. Нормативные свойства возникают позднее – вследствие повторяемого и фактически обязательного применения к неопределенному кругу последующих решений; формально нормой права положение не становится. Этот процесс может быть обозначен как автономная нормативизация.

От скрытого правотворчества следует отличать недостаточно мотивированное, но выводимое толкование, ошибку применения и открытое правотворческое решение компетентного органа. Нарушение проявляется именно в подмене производного выбора установлением нового общего правила при сохранении формы толкования.

Способ устранения зависит от действия дефектного положения. Ведомственное разъяснение с нормативными свойствами подлежит самостоятельному судебному контролю; судебная позиция – пересмотру компетентным судом или законодательной коррекции. Если неопределенность нельзя устранить без нового условия, требуется решение правотворческого субъекта.

Проверка предложенного разграничения на материалах юридической практики

Официальные разъяснения Министерства транспорта РФ

Статья 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[6] допускает утверждение федеральными органами исполнительной власти официальных разъяснений обязательных требований и устанавливает специальный порядок их подготовки. На этом основании Распоряжением Министерства транспорта РФ (Минтранса России) от 29.05.2024 № ВП-111-р[7] разъяснено соотношение требований к организациям, осуществляющим техническое обслуживание отдельных категорий воздушных судов и квалификационных требований к специалистам, установленных Федеральными авиационными правилами, утвержденными приказом Минтранса России от 12.09.2008 № 147[8].

Неопределенность возникла при соотношении организационных и персональных требований. Освобождение отдельных организаций от подтверждения соответствия допускало распространение исключения на квалификацию работников либо его ограничение статусом организации. Минтранс России избрал второй вариант, сохранив самостоятельное действие требований к подготовке специалистов.

Позиция выводима из различия объектов регулирования: она не создает нового допуска или ответственности, а разграничивает требования к организации и работникам. Возможное сужение исключения компенсируется тем, что последствия для каждой группы следуют из самостоятельных предписаний. Компетенция, процедура и опубликование подтверждают допустимость конкретизации.

Письмо ФАС России об «Осимертинибе»

В решении от 31.07.2025 № АКПИ25-256 Верховный Суд РФ (ВС РФ)[9] проверил абз. 8 письма ФАС России от 24.01.2025 № МШ/5449/25[10]. В письме предложение препарата с активным веществом «Осимертиниб», произведенного конкретным юридическим лицом,

[4] Там же.

[5] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026). *СЗ РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301.

[6] Об обязательных требованиях в РФ. ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ. *СЗ РФ*. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

[7] Об утверждении официальных разъяснений обязательных требований, установленных пунктом 1 Федеральных авиационных правил «Требования к юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, осуществляющим техническое обслуживание подлежащих обязательной сертификации беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, гражданских воздушных судов, авиационных двигателей, воздушных винтов, за исключением легких, сверхлегких гражданских воздушных судов, не осуществляющих коммерческих воздушных перевозок и авиационных работ. Форма и порядок выдачи документа, подтверждающего соответствие юридического лица, индивидуального предпринимателя требованиям федеральных авиационных правил. Порядок приостановления действия и аннулирования документа, подтверждающего соответствие юридического лица, индивидуального предпринимателя требованиям федеральных авиационных правил», утвержденных приказом Министерства транспорта РФ от 31.03.2023 № 109, пунктами 2.25 и 2.28 Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации РФ», утвержденных приказом Министерства транспорта РФ от 31.07.2009 № 128. Распоряжение Министерства транспорта РФ от 29.05.2024 № ВП-111-р. *ИПП Гарант*.

[8] Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к членам экипажа воздушных судов, специалистам по техническому обслуживанию воздушных судов и сотрудникам по обеспечению полетов (полетным диспетчерам) гражданской авиации». Приказ Министерства транспорта РФ от 12.09.2008 № 147 (ред. от 10.02.2014). *БНА*. 2008. № 48.

[9] О признании недействующим абзаца восьмого письма Федеральной антимонопольной службы от 24.01.2025 № МШ/5449/25 «О рассмотрении заявок участников закупок, предложивших к поставке лекарственный препарат с использованием активного вещества "Осимертиниб"». Решение Верховного Суда РФ от 31.07.2025 по делу № АКПИ25-256. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2479272 (дата обращения: 03.06.2026).

[10] О рассмотрении заявок участников закупок, предложивших к поставке лекарственный препарат с использованием активного вещества «Осимертиниб». Письмо ФАС от 24.01.2025 № МШ/5449/25. *ИПП Гарант*.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

было названо основанием отклонения заявки на участие в закупке. Заявитель утверждал, что ФАС России ввела не предусмотренное законом дополнительное основание, распространив его на неопределенный круг лиц.

Неопределенность состояла в соотношении п. 8 ч. 12 ст. 48 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[11] с нормами об интеллектуальных правах и в определении природы сообщения о последствиях конкретного антимонопольного решения. Верховный Суд РФ отнес первые абзацы письма к разъяснению законодательства, а спорную формулировку – к информации о конкретном препарате, производителе и решении ФАС России.

Вывод небесспорен: письмо направлялось территориальным органам и участникам контрактной системы, использовалось заказчиками, а Министерство юстиции РФ указывал на отсутствие спорного положения в законе. Это подтверждает влияние документа, но не общую направленность правила. Формулировка относилась к определенному препарату, производителю и решению ФАС России, не устанавливая критерия для иных закупок. Ее последствия могли проверяться в конкретных спорах.

Письмо Федеральной налоговой службы РФ в деле ОАО «Газпром нефть»

Постановление Конституционного Суда РФ (КС РФ) от 31.03.2015 № 6-П было принято по вопросу судебного оспаривания письма Федеральной налоговой службы РФ, содержавшего толкование порядка определения налоговой ставки и направленного территориальным налоговым органам. Формальный подход исключал непосредственный контроль, поскольку письмо не являлось нормативным правовым актом. Содержательный подход учитывал его использование налоговыми органами и влияние на неопределенный круг налогоплательщиков[12].

Конституционный Суд РФ не признал письмо правотворческим актом, но исключил зависимость судебной защиты от формы документа, если разъяснение определяет решения подчиненных органов. Контроль тем самым распространяется на общий источник воспроизводимой позиции, а не только на отдельные налоговые решения.

Впоследствии части 2–4 ст. 217.1 Кодекса административного судопроизводства РФ и подпункты 1–3 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50 закрепили проверку подобных актов на соответствие действительному смыслу разъясняемых положений и отсутствие новых общеобязательных правил. Постановление КС РФ от 31.03.2015 № 6-П имеет для предложенной конструкции прежде всего процессуальное значение: адресность подчиненным органам, неоднократность применения и последствия отступления делают разъяснение доступным для самостоятельного контроля. Материальная квалификация этим не предрешается. Для установления скрытого правотворчества содержание письма необходимо сопоставить с Налоговым кодексом РФ и выяснить, возникло ли новое условие налогообложения.

Перенос трехлетнего срока в состав административной ответственности

Содержательная граница толкования проявилась в Постановлении КС РФ от 06.11.2024 № 50-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А. В. Баевой и И. В. Филькова»[13] (см. подпункты 5 и 5.1). К составу неиспользования земельного участка, предусмотренному ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ, практика присоединяла трехлетний срок, установленный ст. 284 ГК РФ для изъятия участка.

Конституционный Суд РФ установил, что общность целей гражданско-правового изъятия участка и административной ответственности не дает ясного основания для переноса трехлетнего срока. Описав сложившийся в немногочисленной, но единообразной практике подход, Суд признал недопустимым включение срока из ст. 284 ГК РФ в состав правонарушения по ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ.

Административная ответственность уже установлена КоАП РФ. Изменение состояло в дополнении основания ее возникновения трехлетним сроком из иной нормативной модели. По авторской оценке, это временное условие не относилось к допустимым вариантам понимания ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ. Единообразное воспроизведение закрепило

[11] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ. *СЗ РФ*. 2013. № 14. Ст. 1652.

[12] По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса РФ в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть». Постановление КС РФ от 31.03.2015 № 6-П. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102370056&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 03.06.2026).

[13] По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А. В. Баевой и И. В. Филькова. Постановление КС РФ от 06.11.2024 № 50-П. *СЗ РФ*. 2024. № 46. Ст. 7030.

 https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-4-779-787

невыводимое положение в практике, что позволяет квалифицировать результат как скрытое правотворчество, устраненное конституционным контролем.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 39-П предметом проверки стало сложившееся до его принятия понимание ч. 1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ[14]. Исходя из буквального указания на выявление правонарушения при государственном контроле, суды ограничивали льготную уплату случаями обнаружения нарушения контрольным органом. Лица, чье правонарушение выявил прокурор, исключались из льготного порядка. Конституционный Суд РФ не обнаружил оснований для такого различия. Авторская квалификация «невыводимое исключение» относится к ограничительному положению предшествующей практики, а не к решению Конституционного Суда РФ.

Иную природу имеет временное регулирование Конституционного Суда РФ: до изменения закона он распространил гарантию льготной уплаты на указанных лиц и обозначил временный характер предписания. Его содержание не выводится из оспариваемого положения как результат обычного толкования, но формируется в пределах специальной конституционной функции и для защиты права. Компетенция не восполняет производность, а изменяет институциональную оценку новизны. Открытое временное предписание, сохраняющее выбор постоянной модели за законодателем, нельзя без дополнительных оснований приравнять к скрытому правотворчеству обычного суда или административного органа.

Доктринальные критерии нормативности и предложенное разграничение имеют разные предметы. Общая направленность, неоднократность и фактическая обязательность раскрывают действие положения и обосновывают судебный контроль, но не происхождение содержания. Поэтому правомерное разъяснение и изменение регулирования могут обладать сходными нормативными свойствами.

Категория правоинтерпретационного усмотрения переводит анализ с формы документа на структуру выбора: допустимые варианты, основания, предпочтения и характер приращения содержания. Творческий компонент толкования не отождествляется с правотворчеством, поскольку его мера состоит в выводимости решения и мотивированном переходе от предписания к интерпретационному положению.

Предложенный подход ограничен оценочным характером выводимости при коллизиях, пробелах и обращении к принципам права. Здесь требуются системная реконструкция и проверка внешних посылок. Ссылка на принцип должна раскрывать связь с конкретным правом и неприемлемость альтернативы, а не заменять отсутствующее нормативное основание.

Конституционно-судебное истолкование требует отдельной оценки. Выводимость характеризует связь результата с действующим правом, а компетенция и процедура – допустимость его формирования и юридическую силу. Конституционный Суд РФ вправе исключать неконституционные варианты и устанавливать временный порядок реализации права. При содержательной новизне его институциональная оценка зависит от конституционной функции, мотивированности, соразмерности, определенности временного действия и сохранения законодательного выбора.

Квалификация нарушения определяет способ устранения: дефект мотивировки требует пересмотра аргументации, превышение компетенции – прекращения применения разъяснения, а документ с нормативными свойствами – доступности самостоятельного судебного контроля. Новое условие, исключение или порядок должны устанавливаться правотворческим субъектом.

Заключение

Правоинтерпретационное усмотрение возникает при наличии нескольких вариантов, согласующихся с языковыми, системными, целевыми и принципиальными основаниями. За пределами этого круга субъект не выбирает допустимое понимание, а изменяет исходное регулирование.

Допустимая конкретизация повышает определенность, сохраняя установленный источником состав юридически значимых условий. Раскрытие признака или связи норм остается толкованием; новый адресат, факт, обязанность, исключение либо основание ответственности требуют правотворческого решения.

Нормативные свойства характеризуют влияние интерпретационного положения на однородные дела, а производность – его связь с толкуемым предписанием. Повторяемость и фактическая обязательность усиливают требования к мотивировке и контролю, но не заменяют содержательной проверки.

Скрытое правотворчество выявляется по совокупности обстоятельств. Выводимость устанавливает связь результата с действующим правом; изменение юридически значимых условий указывает на выход за допустимые варианты. Повторяемое обязательное применение закрепляет положение в практике, а компетенция и процедура определяют его

[14] По делу о проверке конституционности положения части 1.3-3 статьи 32.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «НТСИ Телеком». Постановление КС РФ от 18.07.2024 № 39-П. *СЗ РФ*. 2024. № 30. Ст. 4444.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

институциональную допустимость и силу. Поэтому неуполномоченное изменение под видом толкования образует скрытое правотворчество, тогда как временное регулирование Конституционного Суда РФ оценивается с учетом его конституционной функции.

Способ устранения зависит от дефекта. Ошибка обоснования исправляется пересмотром позиции, разъяснение с нормативными свойствами подлежит самостоятельному контролю. Если неопределенность нельзя преодолеть без нового условия или порядка, необходим акт правотворческого субъекта.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Тимошина Е. В., Краевский А. А. Критерии нормативности интерпретационных правовых актов в российской судебной практике. *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 4. С. 220–243. [Timoshina E. V., Kraevsky A. A. Criteria for the normativity of interpretative legal acts in russian judicial practice. *Law Enforcement Review*, 2022, 6(4): 220–243. (In Russ.)] https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).220-243
2. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит-ра, 1982. Т. 2. 359 с. [Alekseev S. S. *General theory of law*. Moscow: Iurid. lit-ra, 1982, vol. 2, 359. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rlstqn
3. Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики. *Журнал российского права*. 2016. № 8. С. 43–57. [Vlasenko N. A., Zaloilo M. V. Concretization and interpretation of law as the creative content of judicial practice. *Journal of Russian Law*, 2016, (8): 43–57. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/20902
4. Минникес И. А. Интерпретационные нормы (основные теоретические характеристики). *Академический юридический журнал*. 2024. Т. 25. № 3. С. 397–404. [Minnikes I. A. Interpretative norms (the main theoretical characteristics). *Academic Law Journal*, 2024, 25(3): 397–404. (In Russ.)] https://doi.org/10.17150/1819-0928.2024.25(3).397-404
5. Габов А. В. Официальные разъяснения по вопросам применения антисанкционных нормативных правовых актов: теоретические и практические вопросы. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2024. Т. 19. № 1. С. 36–80. [Gabov A. V. Official explanations on the issues application of anti-sanctions regulations: Theoretical and practical issues. *The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences*, 2024, 19(1): 36–80. (In Russ.)] https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-1-gabov
6. Липень Н. С. О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 12. С. 25–31. [Lipen N. S. Improving the legal regulation of challenging of regulatory legal acts and acts containing clarifications of legislation and having regulatory properties. *Actual Problems of Russian Law*, 2024, 19(12): 25–31. (In Russ.)] https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.169.12.025-031
7. Ивкин С. В. Интерпретационные правовые акты как предмет судебного контроля. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2024. № 6. С. 8–12. [Ivkin S. V. Interpretive legal acts as a judicial control subject. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2024, (6): 8–12. (In Russ.)] https://doi.org/10.18572/1812-383X-2024-6-8-12
8. Юсубов Э. С., Филимонов Ю. В. Правовая природа актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2022. № 43. С. 114–124. [Yusubov E. S., Filimonov Yu. V. The legal nature of acts containing explanatory legislation and possessing normative qualities. *Tomsk State University Journal of Law*, 2022, (43): 114–124. (In Russ.)] https://doi.org/10.17223/22253513/43/9
9. Терехов Е. М. Официальное толкование права в контексте парадокса. *Правовая парадигма*. 2024. Т. 23. № 1. С. 65–71. [Terekhov E. M. The official interpretation of the law in the context of the paradox. *Legal Concept*, 2024, 23(1): 65–71. (In Russ.)] https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.8
10. Hart H. L. A. *The concept of law*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 400.
11. Dworkin R. *Law's empire*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1986, 470.
12. Barak A. *Purposive interpretation in law*. Princeton: Princeton University Press, 2005, 423.
13. MacCormick N. *Rhetoric and the rule of law: A theory of legal reasoning*. Oxford-New York: Oxford University Press, 2005, 287.

14. Solum L. B. The interpretation-construction distinction. *Constitutional Commentary*, 2010, 27(1): 95–118. https://doi.org/10.24926/26390742.1829
15. Marmor A. *Interpretation and Legal Theory*. Oxford-Portland-Oregon: Hart Publishing, 2005, 179.
16. Robert A. *A Theory of legal argumentation: The theory of rational discourse as theory of legal justification*. Oxford: Clarendon Press, 1989, 323.
17. Василевич Г. А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов (теория и практика). *Правоприменение*. 2017. Т. 1. № 1. С. 19–27. [Vasilevich G. A. Interpretation (explanation) of normative legal acts (theory and practice). *Law Enforcement Review*, 2017, 1(1): 19–27. (In Russ.)] https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).19-27
18. Вопленко Н. Н. Толкование права. Волгоград: ВолГУ, 2007. 122 с. [Voplenko N. N. *Interpretation of law*. Volgograd: VolSU, 2007, 122. (In Russ.)]
19. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 381 с. [Cherdantsev A. F. *Interpretation of law and contract*. Moscow: UNITY-DANA, 2003, 381. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qvrnhf
20. Оносов Ю. В. К вопросу о понятии усмотрения в праве. *Право и политика*. 2019. № 10. С. 32–39. [Onosov Yu. V. To the question of the concept of discretion in law. *Law and Politics*, 2019, (10): 32–39. (In Russ.)] https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.10.30964
21. Оносов Ю. В. О комплексном подходе к исследованию усмотрения в праве. *Сибирское юридическое обозрение*. 2020. Т. 17. № 1. С. 11–16. [Onosov Yu. V. A complex approach to the study of discretion in law. *Siberian Law Review*, 2020, 17(1): 11–16. (In Russ.)] https://doi.org/10.19073/2658-7602-2020-17-1-11-16
22. Фаталиева Д. А. Методы судебной аргументации в ситуации семантической неопределенности правового текста. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2024. Т. 15. № 3. С. 665–683. [Fatalieva D. A. Methods of judicial argumentation in case of semantic uncertainty of a legal text. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2024, 15(3): 665–683. (In Russ.)] https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.308
23. Padjen I. L. Systematic interpretation and the re-systematization of law: The problem, co-requisites, a solution, use. *International Journal for the Semiotics of Law*, 2020, (33): 189–213. https://doi.org/10.1007/s11196-019-09672-x
24. Шишкина О. Е., Бурцева С. С. Правовая определенность в практике Конституционного Суда Российской Федерации. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2021. Т. 23. № 3. С. 166–182. [Shishkina O. E., Burtseva S. S. Legal certainty in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2021, 23(3): 166–182. (In Russ.)] https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/166-182
25. Назарькова Е. О. Темпоральные пределы действия актов официального судебного толкования: теоретико-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 226 с. [Nazarkova E. O. *Temporal limits of the validity of acts of official judicial interpretation: A theoretical and legal analysis*. Cand. Law Sci. Diss. Ekaterinburg, 2024, 226. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vhcgpk